

тив, это — органическая составляющая научной деятельности, достаточно ощутимо влияющая на современную проблематику и направления исследований.

Литература

1. Бевзенко Л.Д. Стили жизни переходного общества. Киев: ИС НАН Украины, 2008. С. 61–64.
2. Киященко Л.П. Этнос постнеклассической науки (к постановке проблемы) // Философия науки. Вып. 11. Этнос науки на рубеже веков. М.: ИФРАН, 2005. С. 29–53.
3. Киященко Л., Тищенко П. Эллипсис междуречья (опыт био-концепто-графии) // Языки культуры: образ-понятие-образ. СПб.: Изд-во РХГА, 2009. С. 129–155.

Выбор и знание будущего: от экзистенциальной проблемы к методологии принятия решений*

Когда мы произносим слово «выбор», обычно подразумеваем «свободный выбор». Выбрать, принять решение — значит реализовать свою свободу, что возможно сделать даже в условиях казалось бы безвыходных. При этом не всегда эксплицируется то обстоятельство, что «реализация свободы» предполагает ее утрату, обмен ее на что-то, являющееся, по сути, ограничением свободы. Если ассоциировать свободу с множеством вариантов — того, кем мы можем быть, что мы можем делать, чем можем обладать, — то очевидно, до совершения выбора мы значительно свободнее, чем после. Каждый выбор — самоограничение, закрытие горизонтов возможного. По Ж.-П. Сартру, такое самоопределение лежит у истоков человеческого бытия [1].

Изначально бытие-для-себя (сознание) есть ничто, оно несубстанциально. *Я* возникает тогда, когда сознание делает само себя объектом рассмотрения, то есть когда возникает рефлексия, в результате которой *Я* не находится, а конструируется. Эта ситуация повторяется в жизни каждого человека — он не находит себя как нечто предданное, но обязан конструировать свое *Я* как проект. Каждое действие и каждый выбор подразумевают и выбор себя — одного из множества возможных образов своей личности, который воплощается в человеческой деятельности, складываясь из множества отдельных поступков.

Концепция Сартра важна как модель, в рамках которой мы обнаруживаем, что, хотя выбор и является отказом от свободы как возможности наполнить *Я* любым содержанием, одновременно он есть воплощение свободы как автономии *Я*, как самодетерминации, когда действие ориентировано в будущее, которое как актуальное бытие создается самим этим действием, а как возможное — предшествует ему в форме проекта. Другими словами, трагичность ситуации выбора — постоянного расставания с собственной свободой, сглаживается тем фактом, что источником ограничения выступает сам субъект, а не некая внешняя инстанция.

Выбор, как и любое действие, есть то, что совершается в настоящем. Однако настоящее, согласно психологической теории поля, включает

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФ, проект № 15-18-10013 «Социо-антропологические измерения конвергентных технологий».

в себя не только психологическое настоящее, но и психологическое прошлое и будущее, и каждая из этих составляющих способна при определенных условиях оказывать доминирующее влияние на человеческое поведение. В ситуации выбора, связанной с проектированием себя и обстоятельств (определение Я-проекта, данное Х. Ортегой-и-Гассетом), доминирующей составляющей оказывается будущее.

В своей практике мы имеем дело с гетерогенно организованным будущим, то есть наши представления о нем складываются из целей, планов, проектов, желаний — того, что конструируется, и знаний, которые, напротив, получаются в ходе познавательной деятельности. В соответствии с современными представлениями о познании может возникнуть убежденность в эпистемологической первичности планов и проектов. Наиболее радикально такая идея выражена в конструктивистской интерпретации познания. Однако тот факт, что всякой познавательной ситуации предшествует фоновое знание и онтогенетически познание опирается на предданные конструкции — врожденные представления, способности, биологическую организацию (в рамках эволюционной эпистемологии все это относится к знанию), не должен затемнять филогенетической априорности знания.

Человек в ситуации выбора не творит из ничего, он опирается на информацию, которую должен принимать во внимание, чтобы принять *верное* решение. Все это определяет набор альтернатив, стоящих перед методом выбора. Потребность в информации при принятии решения указывает на то, что любой проект конструируется из чего-то предшествующего ему, любое желание направлено на что-то, лежащее за пределами субъекта, цель возникает по отношению к миру. Любой проект, в том числе Я-проект, в конечном счете опирается на то, что само не является этим проектом, и должен быть вписан в пространство мира не-Я, по отношению к которому проект может оказаться утопическим и нереализуемым. Человеческие проекты, а значит и решения, должны быть согласованы с объективной реальностью, особенно с ее будущим (поскольку проект и выбор, стоящий у его истоков, сами направлены в будущее). В противном случае он будет мечтой, утопией, иллюзией, но не проектом. Таким образом, во первых, материал, из которого конструируется проект, не относится к самостоятельности субъекта, а во-вторых, проект не просто полагается, он *вписывается* в некоторую перспективу.

Сказанное открывает значение знания в процессе совершения выбора или, в иных терминах, информационного обеспечения принятия решений. Если каждое действие есть реализация свободы и самоограничение и если каждое самоограничение — это выбор себя, то ко всему, что определяет данный процесс, должны предъявляться особо высокие требования.

В этом я вижу пересечение экзистенциального и антропологического измерения проблемы выбора и ее эпистемологических и методологических аспектов. Эпистемолога и методолога волнует, как приобрести надежные знания, позволяющие не ошибиться с выбором.

Из рассмотренного выше соотношения Я-проекта и мира не-Я можно вывести методологическую норму, в соответствии с которой прогноз должен определять проектную деятельность и планирование, а не наоборот, причем даже в тех случаях, когда до его составления имеются детальные представления о желаемом будущем. Другими словами, прогнозное и информационное обеспечение должно быть избыточным, отвечать не только на поставленный вопрос, но и давать сведения, которые не запрашивались, релевантность и даже существование которых изначально не предполагалось. В противном случае наши проекты могут оказаться неадекватными и нежизнеспособными.

Знание о будущем с эпистемологической точки зрения является более проблематичным, чем текущий опыт или воспоминания, редуцируемые к прошлому опыту. Будущего нет и еще не было, поэтому часто утверждать, что знать о нем нельзя. Если же знать о будущих событиях все-таки можно, мир оказывается фаталистически устроенным, что несомненно с феноменом выбора. Если я знаю, что завтра в восемь утра буду ехать в поезд, в девять — читать лекцию, после полудня отправлюсь на обед, то так и должно произойти, в противном случае нельзя говорить о том, что я *знаю* все это. Выбор тем самым упраздняется как иллюзия. Однако точно так же невозможно решить, ехать ли в выходные за город или остаться дома, если неизвестно, какая будет погода, не будет ли срочной работы, которую нельзя отложить до следующей недели и т.д. Отсюда следует, что выбор возможен тогда, когда будущее является частично открытым, а частично — предзаданным.

Практическая деятельность и результаты научного познания позволяют говорить, что будущее в действительности не является однозначно определенным. А потому знание о нем (прогноз) различается по своему содержанию, включая знания независимых от человеческих действий событий: во-первых, однозначно определенных (неизменных), во-вторых, зависящих от ряда обстоятельств, делающих их возможными (и выступающих в форме набора альтернатив). Поскольку на реализацию событийного типа человек способен влиять, то знание о будущем предполагает, в-третьих, предвидение альтернатив, связанных с различными человеческими действиями. Наконец, в-четвертых, содержанием знания о будущем могут быть и результаты проектной деятельности — в том случае, если проект мыслится как реализуемый. Следовательно, при принятии решения знание о будущем выступает в двух основных формах: знания об объ-

активных (независимых) событиях, которые необходимы или возможны в будущем, и знания о тех последствиях, которые повлечет тот или иной выбор.

Согласно Сартру, каждый отдельный выбор — не только шаг к определенному индивидуальному Я-проекту, но и движение к определенному проекту человека вообще. Каждый из нас самым незначительным поступком вносит свою лепту в будущее человечества. Сегодня эта мысль теряет свое экзистенциальное измерение и превращается в проблему повседневного процесса принятия решений в сфере бизнеса и политики. Действительно, в обществе, опирающемся на инновационную деятельность и развитие технологий, в которых все большую роль начинают играть те, что связаны с имитацией и модификацией живого вещества и сознания, предметом выбора оказываются действия, непосредственно связанные с проектированием образа человека и, более того, его радикальной биологической и психологической, а значит, сущностной трансформацией.

Наиболее масштабный уровень реализации такого выбора — определение перспектив развития научно-технической сферы, а следовательно, и цивилизационных перспектив. Прогнозирование таких областей должно быть рядом факторов. Первый из них заключается в том, что мы имеем дело со сферой, приобретающей характер сложной саморазвивающейся системы, предсказания развития которой весьма отличаются от предсказаний будущих состояний закрытых систем. В отношении них метод экстраполяции временных рядов и наблюдаемых тенденций ограничен краткосрочным горизонтом. Только в рамках этого горизонта можно пренебречь таким продуцирующим неопределенности фактором, как получение нового знания. Именно он накладывает принципиальное ограничение на возможность долгосрочного прогнозирования научнотехнического прогресса. Еще одним фактором, хаотизирующим динамику, выступает человеческая деятельность. Более того, множественность акторов и их часто несогласованные действия делают непредсказуемым развитие и в средне- и краткосрочной перспективе. Наконец, все эти факторы взаимопересекаются, давая синергичные эффекты, непредсказуемые эффекты перекрывания, повышения или снижения интенсивности, уничтожения и т.д.

На возрастающую проблематичность прогнозирования накладывается, с одной стороны, уменьшение сроков, когда должно быть принято решение, сочетающееся с увеличением количества объектов и процессов, которые это решение затрагивает, а значит, информации, которую необходимо принимать во внимание. С другой стороны, пропорционально росту задействованных объектов увеличиваются пространственные и времен-

ные масштабы последствий принимаемых решений. При этом, поскольку научно-технические инновации становятся фактором глобальной рыночной динамики и конкуренции, выбор подчас носит характер опережающего и упреждающего, и даже быстрой принятия решений в реактивной ситуации теряет соразмерную ценность, уступая ценности превентивного действия, подчас заставляя игнорировать растущие в связи с этим риски. Еще одной проблемой становится необходимость принимать некоторые решения не только узким кругом лиц, но в рамках широкого общественного представительства (в противном случае в демократическом обществе получаем недемократические процедуры выбора общего будущего ограниченным кругом лиц).

Ответом на обозначенные реалии могут стать новые методы прогнозирования и принятия решений. Наиболее перспективным мне видится форсайт-подход. Сегодня он используется в основном в интересах корпоративного или государственного управления, сводящегося по большей мере к экономической, политической и т.п. прагматике, оставляя оценку цивилизационных рисков за рамками приоритетов. Однако появление социально ориентированных форсайт-проектов свидетельствует о предметной нейтральности этого метода и возможности его более широкого использования, в том числе для выработки цивилизационных стратегий.

Прежде всего, форсайт позволяет работать в специфической ситуации развития знания, которая характеризуется одновременно нехваткой информации и наличием большого объема сведений разного уровня надежности. Прогнозирование научно-технического развития — качественное, опирающееся на экспертные методы, выявление слабых сигналов, джокеров, зачатков будущих исследовательских прорывов и открытий. Оно требует обращения ко всем возможным источникам информации и наиболее полное их представления, творческого, нетрафаретного подхода к обработке полученных данных, и при этом выработки на основе такого массива разнообразных представлений о будущем ограниченного числа наиболее вероятных, а в идеале — одного или немногих, которые возможно положить в основу управленческих решений. Все это реализуется в форсайт-исследованиях, основанных на целом ряде экспертных методов (Дельфи, опросы, экспертные панели, семинары), сочетающихся с методами количественного прогнозирования и работы с большими массивами данных (в том числе с использованием информационных систем).

Помимо методологического разнообразия и выработки техник комплексного применения различных методов, форсайт отличает многообразие исследований. Форсайт начинается со сбора по возможности

наиболее полной информации, включая ту, которая существует в форме экспертных знаний, после чего эта информация подвергается нескольким этапам анализа, корректировки и дополнения с сужением круга экспертов, изменением используемых познавательных процедур и, наконец, смещением акцента с прогностических задач на задачи принятия решений. На этих этапах форсайт демонстрирует возможность предоставления не только прогнозного и, шире, информационного обеспечения процессу принятия решений, но и подготовить его реализацию. Ситуация выбора, как показано выше, предполагает учет, с одной стороны, объективных условий, относящихся к будущему, с другой — образов желаемого, позволяющих, выбирая, конструировать будущее. Форсайт, опираясь на принцип вариативности будущего и представляя его в виде набора перспектив, открывает возможность для более гибкого перехода от прогноза к плану и проекту. Поэтому результатами форсайта становятся не только прогнозы, но и рекомендации в отношении тех решений, которые стоит принять с учетом выявленных тенденций, перспектив, последствий нынешних событий и рисков.

Получаемые рекомендации дополняются еще одним результатом форсайта, на котором методологи делают особый акцент. Речь идет о формировании в процессе форсайт-деятельности сетей взаимодействия различных социальных субъектов. Этот эффект порождает коалиционнуюность в процессе выработки не только прогноза, но и стратегии развития, а значит, в процессе выбора. Интерсубъективность превращается из проблемы (и источника экзистенциального ужаса в концепции Сартра) в основной принцип принятия решений. Это не только соответствует демократическим принципам, но имеет прагматическое значение, уменьшая неопределенность будущего, связанную с несогласованностью человеческих действий. Провозглашая будущее объектом прежде всего не познания, а создания (что не противоречит принципу первичности познания, ибо, чтобы сделать, надо сначала узнать, как), идеологи и методологи форсайт-подхода выдвигают принцип сотрудничества в качестве основного.

При этом форсайт направлен на долгосрочное прогнозирование и раннее обнаружение новых трендов. Это отвечает потребности в превентивных действиях и позволяет более эффективно выстраивать деятельность в кратко- и среднесрочной перспективе, переходя от модели реагирования и тактических движений к модели стратегического планирования. Вместе с тем опережающее реагирование здесь не связано с последовательностью и невозможностью детальной и глубокой оценки ситуации и ее перспектив. Увеличение горизонта планирования позволяет готовить важные решения действительно заранее. Кроме того, длительный срок упрежде-

ния необходим и для обнаружения неясных, далеко отстоящих во времени рисков. Долгосрочный характер форсайт-прогнозирования, очевидно, в полной мере отвечает задачам управления развитием научно-техническим развитием.

Выработка разделяемого всеми представления о будущем в рамках форсайта является результатом не только познавательной деятельности, как это предполагается в рамках классического понимания прогнозирования. Собственно познавательная деятельность в форсайт-проектах дает набор альтернатив, вероятность реализации которых оценивается наиболее высоко по сравнению с другими вариантами либо — это очень важный момент — реализация которых может быть маловероятной, но крайне желательной. Полученные альтернативы, включая фиксацию их последствий, необходимы для их осуществления шагов, требующих затрат и т.д., становятся предметом выбора. При этом, несмотря на обозначенную выше стадиюность, в форсайт-проектах не всегда удается зафиксировать переход от исследовательской к социально-конструирующей деятельности. Во многом это обусловлено и тем, что выбор включен в процесс приобретения знания, обстоятельности которого отключаются незавершенностью, проявляющейся в разных формах — в возможности установить истинность универсального знания, зафиксировать нейтральный эмпирический базис или сформулировать нейтральный язык описания и т.д. Остановку в процессе обоснования знания, доказательства и проверки теорий нельзя представить как дегуманизирующую исключительностью условиями познавательной ситуации. Обусловленность не устраняет необходимость принятия решения, а решение, как отмечает К. Поппер, не выводится из фактов [1, 96]. В форсайт-выбор осуществляется и на этапе отсева нерелевантной информации, и значительно позднее — на этапе финального обсуждения сценариев с целью определить, какой выбрать в качестве базового для осуществления деятельности. Отсюда можно сделать вывод, что форсайт не только служит адекватным основанием для принятия решений, но и является практикой, отвечающей тому пониманию познавательной деятельности, которое сложилось в результате развития эпистемологии и философии науки в XX веке. Оно дает более сложную картину отношений между процессом принятия решений и процессом его информационного обеспечения, показывая, что последнее тоже опирается на какие-то решения (из чего, кроме того, нужно заключить об отсутствии особой проблематичности прогнозного обеспечения по сравнению с анализом текущей или прошлых ситуаций). Это свидетельствует о неустраняемой рискованности любого выбора и невозможности абсолютно оптимального — в долгосрочной перспективе — решения. Отсюда сле-

дует не довод в пользу скептицизма и принципа недеяния, а требование там и тогда, где и когда это возможно, воздерживаться от окончательных решений, помнить о необходимости корректировки реализуемых проектов и, следовательно, о необходимости не только предвещающего, но сопровождающего информационного, в частности прогнозного, обеспечения принятия решений.

Литература

1. Поттер К.Р. Открытое общество и его враги. В 2-х т. М.: Феникс, Международной фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1.
2. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000.

Рацио и интуиция в принятии решений

Ситуация морального выбора отличается тем, что любое решение приносит человеку определенные потери и причиняет боль, так как приходится выбирать между различными ценностями, и выбор одного варианта означает отказ от другого, возможно, не менее ценного. Для того чтобы совершить такой выбор, важно иметь решимость и мужество. Колебания и долгое промедление в выборе могут привести к тому, что ситуация начнет развиваться по наименее благоприятному сценарию, и тогда уже останется лишь сожалеть о том, что момент, когда можно было все изменить, безнадежно упущен.

Видимо, в таких ситуациях недостаточно средств одной лишь практической психологии, которая может помочь оптимизировать выбор, рационально осознать все альтернативы и выбрать наилучшую. Стратегия выбора включает в себя, кроме рациональной, немалую часть иррациональной составляющей. И эта часть также доступна для изучения современной науке. Для этого важно понять систему убеждений и ценностей, которые вовлечены в процесс выбора, способ ранжирования ценностей (которые у каждого человека свой) и то, каким образом работают те или иные убеждения, особенно ограничивающие (что тоже крайне индивидуально). Таким образом, для наилучшего понимания процесса выбора необходимы, кроме психологии, средства других наук, изучающих психологию морали, в частности, а также этики и философии.

Насколько вообще нам известно, как именно происходит выбор? Осознание этого сложного процесса может позволить понять очень многое в нашей жизни. Обычно то, что человек осознает в процессе принятия своих решений — лишь так называемая «поверхностная структура», либо же последние 1–2 шага этой стратегии, поэтому каждому бывает весьма удивительно узнать, что же происходит «за кулисами». Зачастую стратегия, работающая в одном случае (ее можно выявить с помощью специальных вопросов, разработанных в модели нейро-лингвистического программирования — НЛП), будет работать и в других сходных ситуациях, так как принятие решения — это действие, часто повторяющееся, а мозг стремится оптимизировать любое повторяющееся действие, обобщая однажды приобретенный опыт на все случаи подобного класса. Так что кроме глубинной стратегии принятия решения вообще важно учесть также то, какие ситуации воспринимаются как принадлежащие к одному классу задач, а какие являются чем-то качественно иным. Таким образом, для